

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ И. А. БУНИНА

(Путешествие во Святую Землю, апрель—май 1907 г.)

26 октября (ст. стилия) — 8 ноября 1953 г. умер в Париже на 84 году жизни великий русский писатель Иван Алексеевич Бунин. В одном из ближайших номеров «Вестника» будет помещена статья, посвященная его творчеству. В настоящем номере печатаем с разрешения В. Н. Буниной, которой приносим здесь нашу глубокую благодарность, неизданные путевые записки Бунина, написанные им во время его путешествия в Святую Землю.

23 апреля 1907 года.

На пути из Жеврона, в темноте, вдали огни Иерусалима. Часовня Рахили при дороге. Внутри висят фонарь, лампа и люстра с лампадками. Но горит, трещит только одна из них. Старик Шор зашел за большую гробницу, беленую мелом, прислонился к стене и начал, качаясь, молиться.

Наш извозчик еврей из Америки. Когда вышли, услышали крик в темноте возле нашей повозки: он чуть не подрался с каким-то проезжим, дико ругался, не обращая ни малейшего внимания на гробницу своей проматери.

6 мая 1907 г.

В час дня от ст. Rajjak. Подъем. Среди голых гор дико-кирпичного цвета. Вдоль пути шум потока, деревья в зелени. Идет дождь.

Все время теснина. Высоко на горах точно развалины крепостей.

1.45 м. ст. Serelaha. Зеленая покатая круглая равнина. Деревья, посевы, деревня с плоскими глиняными крышами. Кругом горы. Сзади огромная голая гора на фоне дождевой тучи и далекая лиловая гора. Возле станции, налево, тоже горы, дико-фиолетовые, в пятнах снега. Прохладно, скоро перевал.

По долине в зеленых посевах. Справа глинистые холмы. Слева

скалистые горы. Впереди — исполинский величавый кряж — серебро с чернью... Перевалили, пошли вниз...

Спуск. Земля кирпично-глинистая. В посевах — женщины в чем-то цвета мака

Ст. Zebdani, вся в садах. Женщины в шароварах, в синих юбках и туфлях, на головы накинута куски темно-лиловой материи.

3 ч. 15 м. Ст. Ain Fijeh. Поразительная гора над нею. Сады. Перед станцией были горы, каменно-серо-красноватые.

Тронулись. Теперь кругом горы даже страшные. Шумит зелено-мутная река. Мы едем — и она быстро бежит за нами.

Пошли сады, говорят — сейчас Дамаск.

4 ч. Дамаск.

Огромная долина среди гор, море садов и в них — весь желто-глиняный город, бедный, пыльный, перерезанный этой быстро бегущей мутно-зеленоватой Барадой, скрывающейся возле вокзала под землю. Остановились в Hôtel d'Orient. После чая на извозчике за город. Удивительный вид на Дамаск. Я довольно высоко поднялся на один из холмов, видел низкое солнце и Гермон, а на юге, по пути к Ерусалиму, три сопки (две рядом, третья — дальше) — синих, синих. Возвращались вдоль реки — ее шум, свежесть, сады.

7 мая, 9 час. утра.

На минарете. Вся грандиозная долина и желто-кремовый город под нами. Вдали Гермон в снегу (на юго-западе). И опять стрижи — кружат, сверлят воздух. Горд даже как-бы светит этой мягкой глины желтизной, весь в плоских крышах, почти весь слитой. Безобразные длинные серые крыши галерей базара.

Потом ходили по этому базару. Дивный. Встретили похороны. Шор записал мотив погребальной песни, с которой шли за гробом: «Бог, Бог един!».

Магазин.

В 3 часа поехали за город. Пустыня, глиняное кладбище.

Большая мечеть — смесь прекрасного и безобразного, нового. Лучшее всего, как всюду, двор мечети. Зашли в гости к gidu.

8 мая.

Проснулся в 5. Выехали в 6.

Путь поразительно скучный — голые горы и бесконечная глинистая долина, камень на камне. Ни кустика, ни травки, ни единого признака жизни.

9 ч. 30. Пустыня, усеянная темносерыми камнями. Вдали фигура араба в черной накидке.

10 ч. Строющаяся станция. Пока это только несколько белых шатров. Очень дико. Три солдата-араба в синем, два бедуина, зверски-черных, в полосатых (белое и коричневое) накидках, в синих бешметах, в белых покрывалах; на голове схваченных черными жгутами, босые. Потом опять глинистая пашня, усыпанная камнями. Порой тощий посев. Пашут на волах. И все время вдали серебро с чернью — цепь гор в снегу с Гермоном над ними. Нигде ни капли воды.

2 часа. Туннель. Потом все время спуск в ущельи, среди серо-желто-темноватых гор и меловых обрывов, вдоль какой-то вьющейся речки, по берегам которой розовые цветы дикого олеандра (дафля, по арабски) и еще какие-то дикие, голубые. Поезд нестется шибко. Жарко, весело, речка то и дело загорается серебром.

6 часов, Самак. Пустынно, дико голо, просто. Наняли лодку с 4 гребцами (за 10 фр.). Пройдя по совершенно дикарской и кажущейся необитаемой глиняной деревушке, вышли к озеру. Скромный, маленький исток Иордана. Озеро бутылочного цвета, кругом металлические, коричневые горы. Шли сперва на веслах, потом подняли парус. Стало страшно — ветер в сумерках стал так силен, что каждую минуту нас могло перевернуть.

В Тивериаде отель Гросмана, оказалось, весь занят. Пошли ночевать в латинский монастырь. После ужина — на террасе. Лунно, полумесяц над голсовой, внизу в тончайшей дымке озеро. Ночью в келье-номере было жарко. Где-то кричал козленок.

9 мая.

Утром на лодке в Капернаум. Когда подходили к нему (в десятом часу) стало штилеть, желто-серо-зеленые прибрежные холмы начали отражаться в зеркалах под ними зеленоватым золотом. Вода под лодкой зеленая, в ней от весел извиваются зеленые толстые змеи с серебряными поблескивающими брюхами.

Капернаум. Жарко, сухо, очаровательно. У берега олеандры. Развалины синагоги. Раскопки. Монах итальянец.

Из Кап. в Табху, на лодке-же. Из гребцов один молодой красавец, другой похож на Петра Ап., в валеной ермолке. Тишина, солнце, пустынно. Холмы между Кап. и Таб. сожженные, желтоватые, кое-где уже созревший ячмень. Возле Т. что-то в роде вода. мельницы, долинка в ячмене, на самом берегу эвкалипты и два кипа-

риса, молодых, совсем черных. Озеро млеет, тонет в сияющем свете.

В странноприемном немецком доме. Полный штиль. У берегов на востоке четкая, смело и изящно-сильно пущенная полоса, ярко-зеленая, сквозящая. Ближе — водные зеркала, от отраженных гор фиолетово-коричневые. Несказанная красота!

Завтрак, сон.

Три часа, сильный теплый западный ветер, зеленое озеро, мягко клонятся в саду мимозы в цвету, пальмочки. На террасу вошел работник в черной накидке на голове и черных жгутах по ней (на макушке), в одной синей рубахе, которую завернул ветер на голых ногах почти до пояса.

Сейчас около шести вечера, сидим на крыше. Ветер стал прохладней, ласковей. Воркуют голуби. Все кругом пустынно, задумчиво, озеро бутылочное, в ряби, которую, сгущая, натемняя, ветер гонит к холмам восточного побережья, из-за которых встало круглыми купами и отсвечивает в озере кремовое облако. Там, с тех холмов, сверт Христос в озеро стадо бесноватых свиней. Возле нас на жестких буграх пасутся козы, какой-то табор, совсем дикий; проехал на великолепной белой кобылице бедуин.

10 мая.

Утром в шесть часов купался. Бродяга с обезьяной. Приехал Шор. В девять выехали из Тапхи. Издали видел Магдалу. Дорога в Тивериаду идет вдоль берега. По ней часто ходил Христос в Назарет. Черные козы.

В Тивериаде очень жарко.

После завтрака выехали в Назарет. Гер Антон, милый Ибрагим. Подъем, с которого видно все озеро и Тивериада. На восток синева туч слилась с синевой гор и в ней едва видными серебряными ручьями означает Гермон. Перевал и снова подъем. Фавор слева, круглый, весь покрытый лесом. Длинная долина, посева.

Кана. Кактусы, гранаты в цвету, фиговые деревья, женщины в кубовых платьях. Кана в котловине и вся в садах. Подъем, снова долина, снова подъем, огромный вид на долину назад. Потом котловина Назарета. Отель Германия. Мальчик проводник в колпачке на макушке. Церковь и дом Богородицы. Потом лунная ночь.

11 мая.

Утром из Назарета. Необъятная долина и горы Самарии. Потом

подъем, ехали дубовым лесом. Снова долина и вдалеке уже полоса моря.

Удивительный цвет залива в Кайфе сквозь пальмы. В четыре — на Кармель. Вид с крыши монастыря Ильи, виден Гермон. Лунный вечер, — это уже возвратясь к Кайфу, — ходил за вином.

12 мая.

Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце! До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривсы. Закат во время обеда.

13 мая. Порт-Саид.

Купил костюм. В час из Порт-Саида, в экспрессе на Александрию. Озеро Мензалех. Вдали все розовое, плоский розовый мираж. В шестом часу Каир — пыльно-песчаный, каменистый, у подножия пустынного края Мокатама.

Вечером на мосту. Сухой огненный закат, пальма, на мосту огни зеленоватые, по мосту течет река экипажей.

Ночью почти не спал. Жажда, жара, москиты. В час ночи ходил пить в бар. Проснулся в пять. К пирамидам. Туман над Нилом. Аллея к пирамидам — они вдали, как риги, цвета старой соломы. Блохи в могильниках за пирамидами. На возвратном пути Зоологический.

Вечером в цитадели. Новая, но прелестная мечеть. Вид на Каир. Мутный и пыльный, ничтожный закат за Великой Пирамидой.

15 мая.

Выехали в семь с половиной часов утра. Равнина. Рамле. Александрия. «Император Николай Второй». Все загружено русскими богомольцами из Палестины. Та-же каюта.

16 мая утром в Средиземном море.

Вчера вечером страшная резня кинжалами на палубе (самарканские евреи).

Опять эта поразительная сине-лиловая, густая, как масло, вода, страшно яркая у бортов.

Слева волнист. линии Крита, в дымке. У подножия — светлый туман.

И. А. Бунин.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Милостивый Государь, господин Редактор,

С большим сочувствием прочитала я вашу заметку в последнем номере «Вестника» насчет дурной привычки опаздывать на богослужения; но одна из мер, которую вы предлагаете для борьбы с нею — восстановление проповеди непосредственно после Евангелия — совершенно неприемлема для очень многих. Проповедь, как бы хороша она ни была, лежит в другой плоскости чем Евангелие и литургические молитвы, и требует иного к себе отношения. Она не может не отражать личности проповедника, его взглядов, чувств, настроений; чем внимательнее и ответственнее мы относимся к проповеди, тем неизбежнее возникают у нас мысленные вопросы, критика, сомнения, согласие или несогласие — одним словом, все то, что естественно и правильно на интеллектуальном уровне, но несовместимо с молитвенной настроенностью. Большинству из нас духовная сосредоточенность не легко дается и, раз она нарушена, многие уже не могут вернуться к внутренней тишине благоговейной молитвы. А нарушает ее даже проповедь вполне созвучная душе слушающих, поскольку они должны следить за ходом мысли проповедника, взвешивать его аргументы, соображать в каком смысле он употребляет то или иное выражение и т. д. Если же слова его кажутся нам слабыми и неубедительными и хочется на них возражать, то возвращение к молитве делается еще труднее.

Конечно, если проповедник будет Иоанн Златоуст, его слово может само быть источником молитвенного вдохновения, но ведь это исключение, а не правило. В огромном большинстве случаев проповедь расхолаживает, а не вдохновляет. В дореволюционной России Церковь очень мудро заменяла уставную проповедь «словом», которое говорилось в самом конце литургии.

Да, привычка опаздывать в церковь действительно наблюдается у одних православных, но не потому ли это, что у нас службы несравненно длиннее, чем у католиков и протестантов?

С искренней благодарностью за работу «Вестника»

Иногородняя подписчица, 5. XI. 53.